

[Студенецкая Е.Н.] Отчет по экспедиции в Азербайджанскую ССР в 1962 году

ПРЕДИСЛОВИЕ, ПОДГОТОВКА К ПУБЛИКАЦИИ Е.Ю. ГУЛЯЕВОЙ

ЕВГЕНИЯ ЮРЬЕВНА ГУЛЯЕВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана

e-mail: guliaevaevgenia@list.ru

Отчет Е.Н. Студенецкой о поездке в Азербайджанскую ССР в 1962 г. содержит материал по Кельбаджарскому и Ленкоранскому районам. В части, посвященной Кельбаджарскому району, описан характер осенней перекочевки с летних пастбищ в низменные районы Азербайджана (порядок передвижения пастухов со стадами, типы седел, грузовики и содержание поклаж, разборные жилища *алачыг*, женские наряды). Упомянуты подсобные занятия – земледелие, пчеловодство и ряд ремесел (ковроделие, кузнечество, гончарство, резьба по дереву), даны описания кладбища с. Кельбаджар, комплекса дома *мэхле*, мужской и женской одежды. Ленкоранская часть отчета представляет в основном материалы по этнографии талышей. В ней содержится краткая характеристика населения региона и сложившейся языковой ситуации, дано описание Ленкорани (чайханы, улиц, базара), подробно рассмотрены темы: одежда, жилище, рыболовство и рисоводство. В предисловии характеризуется содержание отчета Е.Н. Студенецкой по итогам экспедиции в Азербайджанскую ССР, научная значимость полевых этнографических материалов, содержащихся в публикуемом тексте, а также принципы его публикации.

Ключевые слова: Е.Н. Студенецкая, экспедиционный отчет, Азербайджанская ССР, азербайджанцы, талыши, русские, сельское хозяйство, ремесла, поселения, постройки, одежда, языковая ситуация в Талыше; кладбище с. Кельбаджар; чайхана, улицы и базар г. Ленкорани, архив Российского этнографического музея.

UDC 39

[Studenetskya E.N.] Report on the Expedition to the Azerbaijan Soviet Socialist Republic in 1962

INTRODUCTION AND PREPARATION FOR PUBLICATION E.YU. GULYAEVA

EVGENIA YU. GULYAEVA

The Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Researcher, Department of Ethnography of the Peoples of Caucasus, Central Asia and Kazakhstan

e-mail: guliaevaevgenia@list.ru

The report of E.N. Studenetskya about her trip to the Azerbaijan Soviet Socialist Republic in 1962 contains materials on Kel'badjar and Lankaran districts. In the Kalbajar district part, a description is given of the autumn migration from summer pastures to Azerbaijan lowlands, including the order of herdsmen's movement with their herds, types of saddles, lorries and loads, portable assembly dwellings *alachyg* and women's clothes. Some supplementary occupations such as agriculture and bee-keeping as well as certain crafts – carpet making, blacksmithing, pottery and wood carving – are mentioned. An account is also given of the graveyard of the Kel'badjar village, the house complex *mekhle*, men's and women's clothes. The Lankaran part of the report mostly contains materials on the Talysh ethnography. It gives a brief summary of the characteristics of the region's population and the established linguistic situation, provides the description of Lankaran City including its tea-houses, streets and market-place, and also examines in detail the clothes, dwellings, fishing and rice cultivation. The introduction summarises the contents of the E.N. Studenetskya report about the results of her expedition to the Azerbaijan Socialist Republic, the scholarly importance of the field ethnographic materials contained in the published text, and also outlines the principles of its publication.

Key words: E.N. Studenetskya, expedition report, Azerbaijan Soviet Socialist Republic, Azerbaijani, Talyshes, Russians, agrarian sector, crafts, settlements, clothes, linguistic situation in the Talysh region, graveyard in the Kel'badjar village, tea-house, streets and market-place in the Lankaran City, the Russian Museum of Ethnography Archives.

Экспедиционный отчет ученого-кавказоведа и заведующей отделом Кавказа ГМЭ народов СССР¹ Евгении Николаевны Студенецкой об экспедиции в Азербайджанскую ССР хранится в архиве Российского этнографического музея². Е.Н. Студенецкая (1908–1988) проработала в музее более 50 лет (с 1930 по 1981). Ее научные интересы были связаны с изучением народов Северного Кавказа, прежде всего карачаевцев, балкарцев, кабардинцев, тематика работ была посвящена материальной культуре: жилищу и одежде, что, определенно, было обусловлено музейной работой. Е.Н. Студенецкая была автором ряда экспозиций, посвященных культуре народов Кавказа, участвовала в 32 экспедициях на Кавказ, в ходе которых были собраны 56 вещевых коллекции (1193 предмета) и 85 фотоколлекций (2269 снимков), что свидетельствует о ее значительном вкладе в изучение, сохранение и популяризацию культуры народов Кавказа³. Поездка состоялась в сентябре-октябре 1962 г. Помимо Е.Н. Студенецкой, в ней принимала участие научный сотрудник хранитель отдела Кавказа ГМЭ народов СССР Эльга Григорьевна Торчинская (1923–2006), специализировавшаяся на изучении этнографии народов Азербайджана.

Маршрут экспедиции был разработан совместно с сотрудниками института истории АН Азербайджана. Были выбраны районы разного географического положения и хозяйственного профиля, типов жилищ (старого и нового) и одежды: Кельбаджарский (горный, характерно явное преобладание в хозяйстве скотоводства), Бардинский (основные занятия – хлопководство и шелководство), несколько поселений на Апшероне (характерна давно развитая нефтедобыча) и Ленкоранский район (субтропический, характерно выращивание чая и риса, а также занятие рыболовством)⁴. Задачами поездки были приобретение экспонатов, фотофиксация различных элементов культуры⁵ и сбор этнографической информации по дореволюционному и советскому периодам, во многом с целью создания в будущем (и в результате осуществленных) экспозиций «Азербайджанцы в конце XIX – начале XX в.», «Современные жилище и одежда», «СССР – братский союз равноправных народов». По итогам этой экспедиции в 1963 г. в архив поступило два отчета: Э.Г. Торчинской – о поселениях на Апшероне⁶ и в Бардинском районе⁷ и Е.Н. Студенецкой – о Кельбаджарском и Ленкоранском районах. Именно последний отчет и публикуется ниже с целью введения в научный оборот этнографического материала⁸.

В части, посвященной Кельбаджарскому району (Л. 2–23), описан характер осенней перекочевки с летних пастбищ в низменные районы

Азербайджана (от женских нарядов, типов седел, грузовиков и содержания поклаж до разборных жилищ алачыгов и порядка передвижения пастухов со стадами). Упомянуты подсобные занятия – земледелие, пчеловодство и ряд ремесел (ковроделие, кузнечество, гончарство, резьба по дереву), даны описания кладбища с. Кельбаджар, комплекса дома *мэхле*, мужской и женской одежды. Е.Н. Студенецкая пишет также о неожиданных для нее впечатлениях (об открытости и разговорчивости азербайджанских женщин по сравнению с армянскими и о слабости религиозных практик). Ленкоранская часть отчета (Л. 24–49) представляет в основном материалы по этнографии талышей. В ней содержится краткая характеристика населения региона и сложившейся языковой ситуации, дано описание Ленкорани (чайханы, улиц, базара), подробно рассмотрены темы: одежда, жилище, рыболовство и рисоводство. Особенно ценно, что в работе содержится материал, который не только реконструирует этнографические реалии рубежа XIX–XX вв., но и фиксирует ситуацию 1960-х гг., так часто игнорируемую советскими этнографами.

Научная значимость публикуемого отчета определяется еще и тем, что к моменту проведения экспедиции талыши не выделялись в переписях как отдельный народ, между тем Е.Н. Студенецкая ставит вопрос об изучении их этнографии.

Отчет наряду с полевыми дневниками отражает принятую в музее практику представления результатов экспедиций. В дневниках полученная в ходе экспедиции информация представлялась в порядке ее поступления, а в отчетах уже в систематизированном виде по темам, с некоторыми суждениями и обобщениями. В этом смысле дневники и отчеты соотносятся как первичные и вторичные источники. Дневники этой экспедиции в архиве РЭМ обнаружены пока не были, но есть небольшая вероятность, что они находятся среди еще неразобранных документов Е.Н. Студенецкой и Э.Г. Торчинской.

Поскольку Е.Н. Студенецкая не была специалистом по культуре талышей и азербайджанцев и, соответственно, не говорила по-талышски и по-азербайджански⁹, термины на этих языках приведены не всегда корректно.

Отчет не содержит информации о том, как проходили беседы с информантами. Лишь в части, посвященной рыболовству, Евгения Николаевна упоминает, что переводчиком у них был Владимир Петрович Дудин, потомок русских переселенцев середины XIX в., хорошо владеющий азербайджанским языком.

Если в разговоре исследовательниц и информантов-талышей языком-посредником был

азербайджанский, то это может объяснить частое использование в отчете азербайджанских терминов вместо талышских. С другой стороны, наличие азербайджанских терминов может объясняться сложившейся на тот момент языковой ситуацией – доминированием азербайджанского языка в большинстве сфер, за исключением внутрисемейного общения.

Принципы публикации текста

Отчет является машинописным текстом, заверенным на последней странице подписью Е.Н. Студенецкой. При наборе текста была учтена сделанная пером, по всей вероятности, авторская правка, кроме того, были исправлены явные пунктуационные и орфографические ошибки. В тех случаях, когда термины на азербайджанском и талышском писались по-разному, в ряде случаев был выбран наиболее частотный вариант (например, алачыг, а не алачуг; буджаг, а не бутжаг), но в большинстве случаев возникали сложности с определением, какой вариант написания более корректный, тогда сохранялись разные варианты написания, соответствующие тексту отчета (например, *юк* и *жук*; *ери отаг* или

жерюотаг; *дэглиз*, *дяглиз* или *дөһлизе*). В тексте также было сохранено авторское подчеркивание некоторых терминов, указываются листы отчета. Кроме того сохранена архивная нумерация листов документа.

Наряду со сносками, сделанными Е.Н. Студенецкой, по ходу текста были добавлены сноски публикатора. Для различения первых и вторых все неавторские сноски (как и любые неавторские дополнения) даются в квадратных скобках. В ряде случаев в сноске курсивом приведены цитаты из отчета Э.Г. Торчинской об этой же поездке 1962 г.¹¹, из ее неопубликованных статьи «Новые элементы в жилище и одежде азербайджанцев» 1963 г.¹² и из доклада «Новые элементы в одежде азербайджанцев», сделанного на научной сессии в Баку в 1965 г.¹³. В некоторых сносках также приведены составленные редакторами «Вестника Талышской Национально Академии» И. Абиловым и Ф. Абосзода талышские аналоги терминов, приведенных Е.Н. Студенецкой на азербайджанском языке, а также примечания к искаженным талышским терминам – их более корректное написание на сегодняшний день.

¹ Государственный музей этнографии народов СССР (с 1934 по 1948 г. – Государственный этнографический музей) был переименован в Российский этнографический музей в 1992 г. Музей является приемником Этнографического отдела Русского музея (1902–1934).

² Е.Н. Студенецкая проработала в музее более 50 лет (с 1930 по 1981 г.). Ее научные интересы были связаны с изучением народов Северного Кавказа, прежде всего карачаевцев, балкарцев, кабардинцев. Тематика ее работ была посвящена материальной культуре: жилищу и одежде, что, определенно, было обусловлено музейной работой. Е.Н. Студенецкая была автором ряда экспозиций, посвященных культуре народов Кавказа, участвовала в 32 экспедициях на Кавказ, в ходе которых были собраны 56 вещевых коллекций (1193 предмета) и 85 фотоколлекций (2269 снимков), что свидетельствует о ее значительном вкладе в изучение, сохранение и популяризацию культуры народов Кавказа. Личное дело Студенецкой Е.Н.: Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 367; Дмитриев В.А. Евгения Николаевна Студенецкая – выдающийся российский исследователь Кавказа и музейный деятель. К 100-летию со дня рождения: буклет к выставке. – СПб., 2008.

³ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1440. Л. 1–49.

⁴ Торчинская Э.Г. Отчет о поездке в Азербайджанскую ССР в 1962 г.: Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1441. Л. 2.

⁵ В результате поездки были сформированы две предметные коллекции: № 7456 по азербайджанцам

из 57 предметов (одежда, ковровые сундуки, мешки, ткани, инструменты для обработки шерсти, занавески, сельскохозяйственные орудия, предметы, связанные с пчеловодством, медная, глиняная и деревянная утварь) и № 7457 по талышам из 31 предмета (сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего убранства, утварь, одежда и украшения), и четыре фотоколлекции: Ф 404 и Ф 407 по азербайджанцам (199 и 125 снимков) и Ф 405 и Ф 408 по талышам (65 и 33 снимка соответственно). Таким образом, в результате поездки был создан корпус этнографических источников разного характера, дополняющих друг друга.

⁶ Имеются в виду села, относившиеся на тот момент к Азизбековскому району, в настоящее время эта территория является Хазарским районом города Баку.

⁷ Торчинская Э.Г. Отчет о поездке в Азербайджанскую ССР в 1962 г.: Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1441. Л. 1–32.

⁸ Часть отчета, посвященная Ленкоранскому району, находится в печати второго выпуска Вестника Талышской национальной академии наук, часть, посвященная Кельбаджарскому району, публикуется впервые.

⁹ Э.Г. Торчинская не говорила свободно на азербайджанском языке. Личное дело: Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 370.

¹⁰ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1441. Л. 1–32.

¹¹ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 310. Л. 1–52.

¹² Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 341. Л. 1–14.

Л. 1.

АРХИВ РЭМ. Ф. 2. ОП. 1. Д. 1440. Л. 1–49

[СТУДЕНЕЦКАЯ Е.Н.]

Отчет по экспедиции в Азербайджанскую ССР в 1962 году*

В СОСТАВЕ: ЗАВ. ОТД. НАРОДОВ КАВКАЗА СТУДЕНЕЦКОЙ Е.Н. И НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ХРАНИТЕЛЯ ТОРЧИНСКОЙ Э.Г.

РАЙОНЫ:

КЕЛЬБАДЖАРСКИЙ, ЛЕНКОРАНСКИЙ – СТУДЕНЕЦКАЯ Е.Н.

БАРДИНСКИЙ, АЗИЗБЕКОВСКИЙ¹ – ТОРЧИНСКАЯ Э.Г.

Л. 2. Первым районом нашей работы был крайний запад Республики – Кельбаджарский район, граничащий с Арменией. Ехали мы от ст. Евлах автобусом в течение 7 часов, проехав за это время низменные районы и постепенно поднимаясь все выше в горы к районному центру Кельбаджар. Дорога проходила через азербайджанские и армянские селения.

Навстречу нам с гор спускались стада. Это само по себе уже напоминало о том, что район, куда мы направляемся, в основном скотоводческий, богатый летними пастбищами. И в прошлом, и в настоящее время летние пастбища района использовались жителями многих районов низменного Азербайджана.

Основные виды скота, разводившиеся в районе и раньше, и теперь – овцы различных местных пород (а в настоящее время также метисы-мериносы) и крупный рогатый скот. В Кельбаджарском районе система скотоводства была и остается отгонная: летом пасли скот на горах, а зимой держали в селениях. Скот гнали на пастбище пастухи-мужчины с помощью собак, а женщины с детьми и старухи ехали со всем имуществом и разборной кибиткой-*алачыг*. Для перевозки всего этого багажа использовали вьючных быков. На спине у них толстая войлочная подстилка – седло, поддерживаемое двумя широкими подпругами. На это седло укладывали груз-*юк* или садились всадники.

Л. 3. Женщины и дети ехали верхом, маленьких возили в *хурджинах* – переметных сумках или на спине у женщин, сидящих верхом. Дети постарше ехали спереди или позади взрослых на лошади или быке, подростки шли пешком, сопровождая стада со взрослыми пастухами или караван с имуществом.

Чубуки – длинные прутья, составлявшие остов кибитки, привязывали пучками по бокам вьючных животных, войлоки – *кеча*, служившие для покрытия *алачыг*-кибитки, свертывали и клали поперек седла. Для перевозки войлоков, подстилок, ковров, постелей, одеял и т.п. использовали *мафраиш* (здесь их называли *формаиш*) – очень красивые тканые узорные сундуки, в которые укладывали багаж, затягивали сверху специальными веревками и грузили по бокам лошади, быка или верблюда. *Мафраиши* изготовлялись попарно – по два одинаковых по узору. Пара *мафраишей* обязательно входила в приданое девушки (входит и сейчас). В домашних условиях они хранятся нагруженными, вместе с запасными постелями, в специальной нише или на невысоком помосте. Это место называется *жук² ери* и составляет одно из украшений комнаты и предмет гордости хозяйки.

Перекочевка на летние пастбища и обратно занимала от 15 до 45 дней (наибольший срок для кочевников, чьи селения находились на плоскости). Стада двигались настолько медленно, насколько это позволял подножный корм. В пути делали остановки – привалы.

Л. 4. На время перекочевки женщины одевали свои лучшие наряды, а по данным рукописи Сафаровой³, хранящейся в архиве Института истории А[кадемии] Н[аук] Азерб[айджанской] ССР, жены богачей шили себе новые нарядные

* Набор, подготовка текста к печати и составление части примечаний – Е.Ю. Гуляева. Подготовка примечаний к терминам по талышской части – И.Ш. Абилов, Ф.Ф. Абосзода.

платья. Украшали и вьючных животных. О перекочевках баев из низменных районов на горные пастбища Сафарова пишет: «Мужчины ехали в черкесах с оружием. Богач ехал в сопровождении нукеров – слуг, а скот отправляли раньше, готовили стоянку, еду. Хозяева приезжали, отдыхали, ели и ехали дальше. По дороге в городах и больших селах продавали часть скота и покупали себе все нужное». По данным наших информаторов, на кочевках каждое селение имело свой участок. Ставили в ряд несколько кибиток, обычно выбирая место поближе к источнику. Стоянка называлась *бина*.

Кибитка-*алачыг* устраивалась следующим образом. *Чубуки* – длинные тонкие изогнутые прутья с заостренными нижними концами, толщиной 2–3 см, втыкались в землю по боковым сторонам будущей кибитки и, соединяясь один с другим, образовывали ряд дуг. Концы *чубуков* заходили один на другой на 0,75–100 см и связывались шерстяными веревками. Затем втыкались *чубуки* по узким сторонам и их концы пропускались над поперечными арками в петли, образованные веревками, связывающими поперечные *чубуки*. Также делаются *алачыги* и сейчас. Форма остова овальная или круглая, но мы видели только овальные.

Л. 5. *Алачыг* покрывался войлоком, сшитым из шести прямоугольных кусков особым швом типа запошивки. По низу *алачыг* обводился циновкой, сделанной из камыша, скрепленного шерстяными нитками. Около *алачыг* была отдельная кухня-*нэми*, или в самом *алачыг* отводился угол, отгороженный циновкой-*четен*, который называли *буджаг* или *нэми*. На циновку вешали ковровую полосу с сеткой, в которую втыкали ложки и др[угие] мелочи. Эта полоса называлась *буджаг баши*, и нам удалось ее купить.

Так как *алачыг* требовал довольно много войлока, то часто более бедные семьи родственников жили по несколько семей в одном *алачыг*. Устройством *алачыг* занимались мужчины. Обычно часть семьи оставалась дома в селении, а часть на кочевке. Хозяин, построив *алачыг*, часто возвращался в селение для сельскохозяйственных работ.

Крупный рогатый скот пасли мужчины и женщины, сами хозяева, а для пастбы овец нанимали чабана. Богатые нанимали индивидуально, а более бедные объединяли свой скот и нанимали пастуха сообща. Платили обычно скотом, пропорционально количеству скота, отдаваемого на выпас. За 10 баранов полагался 1 баран. Доением коров и овец занимались только женщины, и они же готовили на пастбище сыр и масло, которые затем привозили

в селение. Масло сбивали в кожаных мешках-*тулух* или деревянной маслобойке-*нэhre*.

Л. 6. По сравнению с хорошо мне знакомым скотоводством на Северном Кавказе меня всегда удивляли присутствие женщин и большая роль последних на летних кочевках. Интересно отметить такой же характер кочевков и в Армении. Во многих местах армяне переняли вместе с термином и азербайджанскую кибитку *алачыг*; стоянка нескольких кибиток также называется *бина*, а во главе стоянки стоит и всем распоряжается опытная женщина – *биначи*.

В настоящее время в Кельбаджарском районе на летних пастбищах каждый район и колхоз имеет отведенный ему участок, на которых располагаются на расстоянии примерно 4–х км друг от друга *бина* пастухов крупного рогатого скота и овчаров. На *бина* и сейчас выезжают с семьями. Женщины из семьи пастуха занимаются дойкой. Норма крупного рогатого скота на одного пастуха – 10 голов, а овец пасут без нормы. Индивидуальный скот пасется вместе с колхозным. Нормы количества скота в индивидуальном пользовании соблюдаются весьма относительно. Служащие тоже имеют скот, но отдают его в селения родным, и те пасут его и делают молочные продукты из доли.

В Кельбаджаре нет типовых построек для скота, и зимой его держат в землянках без окон и вентиляции. Вообще наиболее заметно новое в стрижке овец. Она полностью электрическая. Агрегат работает от динамика в одном месте, и туда пригоняют для стрижки всех овец.

Л. 7. Стригут два раза в год. Во время нашей поездки по селениям около впадения какой-то речки в Тертер – основную реку района, мы видели такой агрегат.

Живут на пастбищах по-прежнему в *алачыг*. Наряду с описанными выше войлочными мы видели и современные, в которых остов из тех же *чубуков* покрывается брезентом. Во многих случаях *четен* также заменяется полосой брезента (ширина 1 м), в которую на расстоянии 10–15 см вшивают вертикально стоящие и поддерживающие брезент плоские деревянные планки с круглыми металлическими пистонами (как в ботинках), но крупные, для закрепления веревок. *Алачыг* и традиционного, и нового устройства широко используется в различных случаях для временного жилья – напр[имер], геологами, строителями дорог. Мы видели *алачыг* около минерального источника – возможно, приехали подлечиться. Около моста, где находится агрегат для стрижки овец, мы видели небольшой ларек с галантереей, мануфактурой, галошами, чаем, конфетами. Завтрак этого ларька жил рядом в брезентовом *алачыг*, где стояли

2 хорошо застланные кровати с цветными одеялами, простынями с подзорами, стол, стулья, зеркало и т.п.

Наша работа в Кельбаджарском районе проходила в период осенней перекочевки на плоскость, и поэтому мы часто видели *алачыг* стоящими где-либо у дороги или во дворе в селении.

Л. 8. В одном из таких *алачыг* женщина занималась варкой обеда на керогазе. Все имущество было сложено в углу *алачыг* – циновки, ковры, *хурджины*, *мафраши*, постели и т.п. *Чубуки* и теперь, как и раньше, часто не везут в дальние селения на плоскость, а оставляют в горном селеении у родных или знакомых.

Характер перекочевков сейчас мало изменился, скот по-прежнему идет своим ходом, и мы по дороге в Кельбаджар и обратно встречали и перегоняли много больших и маленьких стад овец, крупного рогатого скота и буйволов. Стада сопровождают пастухи. Как и раньше, впереди идут пастухи, по бокам – собаки, а сзади – тоже конные или пешие пастухи с собаками. Все пастухи с длинными палками. Одеты в обычную одежду – куртки, гимнастерки, рубахи, пиджаки, но на голове встречаются не только кепки, но и папахи, а у пеших на ногах – шерстяные носки – *джеробы* и *чарыки*. Седла на лошадях трех типов – кавалерийские, северокавказские с деревянными арчаками и кожаными подушками, а также седла с луками из железных трубок с кожаными подушками. На седлах встречаются ковровые, иногда с кистями, узорные наседельники, а иногда просто брошена козлиная шкура.

Женщины и старики часто ехали без седел и стремян на войлочной подстилке, иногда на ковре, брошенном поперек лошади, поджав или растопырив ноги поверх набитых доверху *хурджинов* и *мафрашей*. В *хурджинах* возят и телят, и ребят. Вьюком на лошадях и ослах везут ведра, тазы, *казаны*-котлы и разный скарб, завернутый в брезент, клеенку или холстину.

Л. 9. Но наряду с этими древнего вида караванами мимо нас проезжали и грузовики, на которых везли тот же скарб – *чубуки*, войлоки, брезенты, набитые громадные *мафраши*. Поверх всего этого сидели оживленные и нарядные женщины с детьми. Более мощные колхозы перевозят женщин и багаж на машинах. Поэтому и в селениях, и даже у дороги в кибитках, и просто около куч вещей, прикрытых войлоком, коврами или брезентом, можно видеть группы женщин и детей. Мы сфотографировали такую группу, в центре которой сидела нарядная женщина в шелковом платье и головном уборе-*папах* с золотыми украшениями.

Но надо сказать, что жизнь на кочевках и в настоящее время порою отнюдь не идиллична

и весьма трудна. Так, в один из дней в Кельбаджаре лил дождь, и в горах образовались потоки, смывающие в реку 100 телят и *алачыги* со всем имуществом. Спаслись только люди.

В качестве подсобного занятия в Кельбаджарском районе было и земледелие, в отдельных селениях (Чайкенд, Кендјери), фруктовые сады, а также пчеловодство.

Землю обрабатывали при помощи горной сохи-*чут*, молотили доской-*вэл*. Такую молотью мы наблюдали в сел. Гылышлы. Пчел и сейчас держат многие, особенно в селениях Кендјери и Чайкенд, причем наряду с рамочными ульями мы видели и долбленные колоды-*гед*, лежащие друг на друге в 3 ряда под навесом, а также плетеные ульи-*сабат*. Около пасеки можно видеть конские черепа. Мы получили в дар от одного старика улей и роевню.

Л. 10. Ремесла были развиты довольно слабо. Одним из наиболее распространенных было ковроделие, и до сих пор можно видеть во многих домах большие ковровые станки, которые обычно устанавливаются в *карадамах* под верхним световым отверстием. Встречались мастера, изготовлявшие войлоки. Один такой имелся и в Кельбаджаре, но мы его не застали в селении.

Обилие лесов, при этом часто ценных пород, дает сырье для столярных и токарных работ. Так, в сел. Караханджалы было много мастеров, делавших круглые деревянные блюда-*табак* и продававших их за деньги или продукты (напр[имер], за блюдо платили тройным количеством пшеницы, которая на него насыпалась). *Табак* делали чаще всего из карагача. Но в работу для различных изделий шли и груша, и липа, и др. породы.

В сел. Кендјери мы беседовали со столяром Вали Шахмарат-оглы Байрамовым 65-ти лет, у которого приобрели несколько предметов. Он работает с 20 лет, делает корыта для теста-*тегге*, блюда-*табак*, столики для раскатывания лепешек-*дёрдая*, лопаты и др.

Набор инструментов невелик: *балта*-топор обычной русской работы, *керки*-тесло, *эльмишар*-ручная пила, *сырых*-двухручный скобель, *бургу*-сверло, *рядна*-фуганок и особый инструмент в виде большого желобчатого долота – *негрязир* – для долбления маслоек, колод-ульев и др.

Л. 11. В Кельбаджаре ознакомились с работой кузнеца Лятифа Асадова, 80 лет. Ремеслу его обучил дядя, а он в свою очередь научил сына. Он был единственным кузнецом в селении, жившим постоянно. Приезжали сюда временами кузнецы из Армении. Работал он без помощников. Обычно в труде участвовал и заказчик – качал меха или был молотобойцем.

Работали на древесном или каменном угле. В старое время за лемех для сохи платили барана или 5 рублей, за серп – 60 коп. Занимались и ремонтом. Делали решетки для окон, вертелы и др.

Значительный интерес представляют в Кельбаджарском районе жилища. Районный центр Кельбаджар, особенно его главная улица, застроен в значительной степени современными домами, каменными, в основном в один этаж, с железными или шиферными крышами. Здесь есть гостиница, столовая, магазин, книжный магазин, почта, здание райкома и др.

Много новых жилых домов. Строительство началось только в 50-х годах с проведением дороги на курорт Истису (типа Карловых Вар). До этого все дома были местного типа *карадамы* или *отаг*.

Селение Кельбаджар очень старое, одной из его достопримечательностей является кладбище, на котором представляют большой интерес каменные надгробия в виде фигур баранов или оседланных коней.

Л. 12. На некоторых из них надписи арабским шрифтом. Имеются на кладбище и мавзолеи-*гюмбез*. Один очень старый стоит отдельно на скале, но есть и совсем новые, современные, конца 50-х годов, с надписями на азербайджанском языке. В одном из них похоронен местный учитель.

На большинстве могил преобладают каменные стелы-*башташ* несколько своеобразной формы – верхняя часть нагибается вперед. На них арабские надписи, встречались изображения пояса, нагрудного украшения (на женских могилах), кинжала, ружья и лошади (на мужских), а также грубо высеченный орнамент.

За последние годы появились памятники с надписями на азербайджанском языке, с фотографиями, железные решетки вокруг могил. На этом же кладбище по мусульманскому обряду похоронен местными жителями русский инженер, умерший в Истису. На могилах в головах видны иногда остатки костров, заживших в первую ночь. Кладбище непосредственно примыкает к селению, довольно большому и растянутому.

Наиболее интересное жилище, целый комплекс, мы видели в сел. Вэнк [Ванк]. *Вэнк* по-армянски – монастырь. Говорят, неподалеку есть развалины церкви. В одном недостроенном доме вделан камень с высеченным на нем крестом.

Во всем селении (населенном только одной фамилией Ильясовых) – ни одного нового дома.

Все постройки – из местного серого рваного камня, скрепленного глиной, с земляными крышами.

Л. 13. Задней стеной дома и другие постройки примыкают к склону горы, а иногда и уходят в него. Комплекс дома Ильясовой Шаханым Курбан гызы состоит из ряда помещений. Все вместе носит название *мэхле* (араб. квартал).

В комплекс входят: *ери отаг* (земляная комната), *евдам* (*карадам* типа армянского *куббалу*⁴), *буджаг*-кладовая, *товла*-хлев, *деһлиз*-навес и недостроенный *отаг* (комната с окнами). Коридоры, соединяющие помещения, наз. *куча* (улица). Все помещения слегка заглублены в землю по отношению к коридорам.

1. *Ери отаг*, или *аладжых*, – лучшее помещение дома по своей конструкции, такое же, как армянская *ода*. Продолговатое помещение, перекрытие приподнято посередине со скатами к двум боковым длинным стенам. Напротив входа в узкой задней стене – камин-*бухар* с каменной доской, на которой примитивная резьба. По бокам камин по высоте 1,5 м – *пищи-тахча*, разм[ером] 56 x 56 x 45 [см]. Стены беленые, пол земляной, потолок в настоящее время заклеен бумагой. В передней части, ближе к двери – два тонких опорных столба-*дерек*. На их уровне в крыше – застекленное окно-*баджа*, расположенное вертикально, как чердачное окно.

Устройство перекрытия: вдоль помещения идут опорные балки-*тир*, лежащие на поднимающихся в середине передней и задней стенах, на них – настил из плах, между центральных *тир* плоский, а к стенам наклонный. Поверх плах – прутья, солома, земля. В боковых стенах тоже большие неглубокие ниши-*тахча*.

Л. 14. В настоящее время *бухари* не действует. В помещении вместо продольных нар по стенам стоят кровати, у задней стены – стол, на нем – приемник, зеркало и др., табуретки с подушками. На одной из кроватей на спинках устроена подвесная люлька. К стенкам кровати параллельно привязаны две веревки, на них положено одеяльце, края загнуты на веревки и зашиты. Получается нечто вроде гамака. Это частый тип люльки в Кельбаджаре, родившийся, видимо, в условиях кочевки (подобные же у туркмен).

Ери отаг при помощи совершенно темного узкого (1 м) коридора соединяется со вторым жилым помещением – *евдам*. *Евдам* квадратный, с земляным полом. Перекрытие деревянное, опирающееся на 4 *дерек* – столбы, обтесанные с двух сторон, плоские, расширяющиеся кверху, с полукруглой вырезкой, в которую входят балки-*тир* (или *ана тир* – мать-балка), составляющие остов крыши. На каменные стены кладутся деревянные балки-*кешаванд*, в других

Перекочевка с летних пастбищ. Женщина (на голове украшение из золотых бляшек «алынгабай») и дети сфотографированы у мешков «чувалов». Азербайджанцы. Кельбаджарский район, Азербайджанская ССР, 1962. Фото Э.Г. Торчинской. Ф 404-39

случаях они опираются на специальные деревянные столбы-*хырчак*. *Хырчак* обычно бывают вделаны в кладку стен, в некоторых же домах стоят свободно. При всех случаях вся конструкция крыши держится на деревянных опорах, а не на стенах. Это имеет значение в местных сейсмических районах. Доски, идущие с *анатир* на *кешавенд* – *перди*, как и все деревянные части дома, делались из дуба. Поверх досок клали *джорджи*-ветки, а затем *кюлем*-солому, или *от*-сено, замазывали сверху землей, смешанной с водой, см на 3–4...

Л. 15. ...а затем засыпали сухой землей. В описываемом *евдаме* перекрытие куполообразное, на три уменьшающихся квадрата (то, что в Армении называют *куббалу*). Вверху *баджа* – горизонтально расположенное квадратное отверстие для света и выхода дыма. На ночь *баджа* закрывали таким образом – на палку был повязан большой пук травы, и палка спущена

через *баджа* внутрь помещения. Ее конец опирался в столб, тогда *баджа* была открыта, а пук травы торчал над крышей. Ночью палку опускали свободно, и трава затыкала отверстие. Это называется *тханджак*.

Почти в центре помещения, слегка поднимаясь над полом, [располагался] глиняный *тондыр* диам[етром] 40 см, прикрытый каменной крышечкой. Слева от двери стоит деревянный невысокий ларь для зерна и муки – *кэнди*. Угол за ним – *буджаг* отгорожен невысокой циновкой-*четен*. В *буджаге* различная утварь и принадлежности для приготовления теста. У другой стены на невысоком 30 см помосте-*юк* – сложенные друг на друга войлоки, ковры, попоны, *хурджинь*, *мафраши* и т.п., покрытые сверху большим полосатым килимом, поверх которого сложены одеяла, подушки, набитые шерстью, и др.

Напротив *юк*, почти под *баджа*, стоит большой ковровый ткацкий стан. Спали в *карадамах*

На току «хырман». На молотильных досках «вэл» сидит женщина (для увеличения тяжести досок), слева стоит мужчина с вилами. Азербайджанцы. С. Гылышлы, Кельбаджарский район, Азербайджанская ССР, 1962. Фото Э.Г. Торчинской. Ф 404-43

на войлоках, коврах и матрацах человек по 5–6 под одним одеялом (простыни появились здесь только после войны).

Такое устройство *карадама* и расположение в нем вещей весьма типично для Кельбаджара, и мы видели его во многих домах.

Л. 16. Характерной особенностью (которая в данном комплексе отсутствует) является стена в человеческий рост, каменная или деревянная, идущая от двери *карадама* и образующая внутри помещения как бы коридорчик-*куча*, отгораживая внутреннее помещение *карадама*. В армянских домах такого типа я никогда ничего подобного не видела. Может быть, это связано с мусульманством? Входящий в *карадам* сразу не мог видеть женщин, находившихся в нем, и они могли закрыть лицо или отвернуться. В некоторых случаях вместо стенки ставили таким образом *кэнди* – ларь для зерна.

Через *евдам* вход в кладовую-*буджаг*, помещение довольно больших размеров, без окон, с плоской крышей. В ней – *моталы*-бурдюки с сыром, на полу в медных (а теперь и алюминиевых, и эмалированных) сосудах – масло, молоко, мешки с зерном и т.п. Масло держали, и до сих пор держат также в *гарын* – бараньем желудке. По другую сторону *жерюотаг* располагается очень большое помещение для скота – *товла* (термин, употребляющийся и у армян близлежащих районов). Он очень большой, пол земляной, но выложенный большими плоскими камнями. Задние углы помещения закруглены. Вдоль *товла* идут два ряда опорных столбов, на которых лежат балки, а на них – плахи, образующие свод. Середина имеет высоту 2 м, а стены – 1,5, за счет чего образуется скат крыши к боковым стенам.

Баджа пять – одно побольше примерно посередине и два...

Л. 17. ...небольшие у стен. У одной из стен выложена из камня кормушка. Единственный вход в *товла* через те же узкие и темные *куча*-коридоры, которые предназначены были следовательно и для людей, и для скота.

Около входа весь комплекс построек – небольшой *дэглиз*, т.е. навес с тремя стенами – прохладное затененное место для работы вне помещения. В настоящее время возведена четвертая стена, и получилась небольшая комната. Это мы видели во многих случаях. На улице у дома – большая каменная чаша (*ступа?* или для водопоя?)

Такой многокамерный комплекс мы видели только в Вэнк и Гылышлы, но в других селениях (то же Гылышлы, Кендјери, Кельбаджар и др.) видели сочетания наиболее обычные – *карадам* с *дэглиз* (или *эйван*) и примыкающий к ним хлев *товла*.

В Гылышлы было сочетание – *карадам*, *дэглиз*, *товла*, *отаг* и *буджаг*. В ряде мест, там, где нет *ери отаг*, камин-*бухари* устроен в *дэглизе* или *товла* (ближе к входу). *Товла* называют также *малдамы* (дом скота).

Более поздний тип постройки, пришедший на смену *карадаму*, *отаг* с плоской земляной крышей, с окнами и дверями выходящими на *дэглиз* (*эйван*). Окна обычно забраны железными решетками, а все три стены *дэглиза* побелены внутри, что делает его чистым и уютным.

Вообще, надо отметить, что в настоящее время для всех домов Кельбаджара, в том числе и для *карадамов*, характерны чистота и прибранность.

Тондыр в Кельбаджаре употреблялся для печения хлеба[ба]...

Л. 18. ...[хле]ба, варки пицци, *бухари* тоже для приготовления еды и для отопления. Топили кизяком и дровами. Но в Азербайджане существует и еще способ печения хлеба, точнее очень тонких, круглых лепешек-*юха*, которые считались самым вкусным хлебом. Они были пресные и делались из лучшей пшеничной муки, на воде, с солью. Пекли их на *садже*. *Садж* – круглый выпуклый железный или чугунный лист. Его ставят вверх выпуклостью над углями, предварительно обмазав снизу глиной, чтобы хлеб не горел. На выпуклость кладут лепешку, предварительно раскатанную на низеньком деревянном столике-*дэрдалг* [или *дэрдаяг?*].

Интересно, что *юха* упоминает Олеарий в описании своего путешествия по Персии.

Тот же *садж*, повернутый выпуклостью вниз, служит [для приготовления] *гоурга* [годрга?] – жареной пшеницы.

К сожалению, нам не удалось купить *садж* – никто не продавал, всем нужно. Продаются *садж* и в хозяйственных магазинах, но редко.

Сделаны нами записи и по одежде. Составные части мужской одежды в прошлом таковы. На голове носили меховые шапки *папах*. Они были (и сейчас есть) двух типов. Чабанская из овчины, сплошь меховая, с коническим или округлым верхом, и городская – парадная из каракуля, прямая, с суконным плоским верхом. Рубашка *кейнек*⁶ прямая, с разрезом на груди, без воротника. *Архалыг* обычно из чертовой кожи, сатина с гладкими передом, невысоким стоячим воротником, узкими рукавами и...

Л. 19. ...заложеной в складку или собранной короткой баской. *Архалыг* нам удалось купить, хотя сейчас он встречается очень редко. *Шалвар*-штаны делали из тонкого черного домотканого сукна-*шал*, шириною 32 см.

Верхней одеждой служила *чуха*, широкая, прямая без застежки, из домотканой или фабричной материи. На ноги одевали *джараб* – шерстяные носки (зимой две пары) и *чарыки* из шкуры быка или буйвола. У здешних *чарык* был специфический формы носок-*учбурун* с 3-мя выступами. *Чарыки* завязывались при помощи шерстяной тесьмы или веревочки.

В настоящее время редко можно увидеть *папах* и *чарык* и совсем редко – *архалыг*.

По сведениям наших информантов Ахмедовой Агалар Наджаф-гызы, 85 лет, и Ахмедовой Айны Шюкюр-гызы, 80 лет, во время их молодости одежда кельбаджарских женщин была такова: на голову надевали

1) маленький платок, сложенный углом и завязанный сзади на шее. Цвет безразличен. Он наз[ывался] *дасмак* или *кула далты*;

2) шапочку, сшитую из материи – *папах*, имевшую вид тюбетейки без доньшка, или чепчика. На *папах* нашивали полоску с металлическими украшениями – *папах габааы*;

3) *яйлык* – платок, шаль или просто кусок ткани. Он надевался поверх *папах*. Часто это был *келечай* или *шемахы* (это одно и то же). Нижнюю часть лица прикрывали краем *яйлыка*. Это называется *яшмак*.

Л. 20. А в старое время закрывали лицо до глаз. *Яйлык* был белый, красный, разных цветов, черный – редко, и только у пожилых. Старые женщины носили *папах* без украшений. Чадру носили лет с 8-ми. Черная материя [накидывалась] на голову и закрывала всю фигуру. По другим данным, чадру в селениях носили только пожилые. *Яйлык* завязывали иногда довольно сложным способом, для того чтобы ветер не раскрыл голову. Это наз[ывалось] *тырна*, или *чалма*. *Яйлык* накидывали на голову, сложенный

углом. Затем левый конец обводили вокруг шеи, выводили на темя и закрепляли конец у правого плеча. Правый длинный конец заводили сзади, так что получался как бы мешок, и кончик затыкался слева выше уха за поперечину. После этого левый, спущенный с плеча край, затыкали слева и получался *яшмак*.

Прическа – *сач*. Прядь волос свивали спереди перед ухом (она наз[ывалась] *гав*), отводили под ухо и вплетали сзади в косу (вроде *хонча* в Кара-чае).

На тело надевали *кейнек* – короткую рубаху туникообразного покроя из белой материи. Сверху надевали кафтанчик-*бузме*. На талии он затянут шнурком или на застежке, ниже – баска, заложная в складку. Верх рукава узкий, от локтя вниз – широкий. Был кафтан с разрезными рукавами – *чафкэн*. На женщинах мы не раз видели *бузме-архалыг* из черного сатина [на] белой подкладке. У него вырез на груди, баска заложена в одностороннюю складку, шириной пальца в 1,5. Рукав узкий длинный.

Л. 21 ...у одного на спине выстрочена фигура «елочка» для соединения верха с подкладкой⁷.

Затем надевали *туман* – широкую юбку в сборку, а под ней шаровары – *экибалаг*, или *тайтумен* (только старые женщины). На ногах – *джораб* и *башмаг*, красные и зеленые у молодых, черные – у старых.

Иногда надевали сразу несколько *туман* разного цвета. Кроме того еще надевали *дештуг* – передник с глухой грудкой и сборчатой нижней частью. Его надевали поверх *бузме*. Носили серебряные пояса – широкие ремни, на которых в два-три ряда нашивались монеты. Пряжки большие прямоугольные с круглой бляхой в середине. Мы видели ряд таких поясов. На одном по низу была подвешена сетка бахромы из трех рядов монет, соединенных цепочками. Видели мы и два узкие пояса из бляшек, наизнанку на ремень. На одном из них были кресты армянского типа и птички. Видимо, это пояса армянского происхождения.

На шее носили *бунджук* – бусы или ожерелье, а также различные нагрудные украшения. Мы видели (и купили) украшение в виде прямоугольной пластинки из рога или дерева, в серебряных обоймочках с подвесками, составленными из 4–5 монет.

Женская одежда сохранилась в гораздо большей степени, чем мужская. На многих старухах можно видеть полностью национальный костюм, даже с *яшмак*, только с современной...

Л. 22. ...обувью – галошами или тапочками.

Сохраняется национальный облик и в одежде большинства молодых женщин. Но это уже тема работы Э.Г. Торчинской.

Национальный колорит придает и манера носить ребят. Всех их, начиная с самых маленьких грудных, носят за спиной. Большой платок, сложенный углом, надевается на спину на уровне плеч, туда засовывают ребенка, затем концы скрещивают на груди и завязывают на талии сзади. Угол платка подвернут под ягодицы ребенка. Ножки торчат по бокам (что, кстати, способствует их искривлению). В других случаях концы платка проходят на плечи, как ремни рюкзака, а затем завязываются сзади на поясице. Платки используются и для ношения других вещей. Я видела, как в платок завернули несколько больших *чуреков* и повязали на спину через одно плечо. Засовывают какие-то мелкие вещи и за *яшмак* на плече.

Носят вещи и продукты в небольших цветных или вышитых *бохча* в руках как женщины, так и мужчины.

Хочется еще указать на одно совершенно неожиданное для меня лично впечатление от Азербайджана. Азербайджанские женщины очень смелы, бойки, разговорчивы, иногда даже развязны и производят впечатление гораздо более самостоятельных, чем женщины армянских селений.

Второе неожиданное впечатление, хотя, возможно, поверхностное – это слабость религиозных пережитков.

Л. 23. За все время поездки по Азербайджану мы не видели ни разу намаза, не встречали (за исключением Апшерона) мечетей и каких-либо священных мест, вроде многочисленных *сурбов* Армении.

Очень редко встречали и ребят с амулетами. Как ни странно, наиболее сильно чувствуется ислам и бытовой уклад, связанный с ним, на Апшероне вблизи Баку, в районе развитой промышленности.

Там, по рассказам директора Дворца культуры, в Мардакянском районе существует могила шейха, почитаемая не только азербайджанцами, но и русскими, и армянами.

Этот шейх умер несколько лет тому назад, и на его похороны собралась толпа народа всех национальностей. В тех же Мардакянах около года тому назад открыт роскошный Дворец культуры с двумя залами на 300 и 600 мест. В оформлении его использован национальный орнамент, в лепке и росписи. Во дворце работают 17 кружков, детская музыкальная школа, лекторий, кино, бывают гастроли приезжих артистов. Интересную роль играет кружок шитья. Женщины очень стремятся в него попасть, но во Дворце не разрешают носить чадру. Женщины приходят в чадру, но здесь ее снимают и постепенно отвыкают. Дворец играет

большую роль и в интернациональном воспитании трудящихся.

Последний район нашей работы – город Ленкорань, из которого мы также выезжали в сел. Мамысты⁸ и в рыбацкий поселок Нариман-абад⁹.

Л. 24. Юго-восточная часть Азербайджана, лежащая на берегу Каспийского моря, является очень отличной от всей остальной Азербайджанской ССР во всех отношениях – природном, историческом, этническом и языковом. Она известна под наименованием Талыш и входила раньше в Талышское ханство.

Талыш – район субтропический. Низменные, прибрежные части его отличаются жарким, очень влажным климатом, большим количеством леса, различных речек, болот, озерков (т.н. «морцо» – от слова море) – пресноводных, речного происхождения, искусственных поросших камышом болотцев-водохранилищ – *истиль*.

Вместе с тем недалеко от побережья тянутся довольно высокие лесистые горы, в которых тоже расположены селения. Весь этот район населен талышами. Талыши – древнейшее население этих районов. Язык их принадлежит к иранской ветви индоевропейских языков. Они живут в Северном Иране. По переписи 1926 года их было 77 039, по переписи 1959 года они не выделены.

Этнографически талыши почти совсем не изучены. Об этом писал академик Марр в 1918 году и с тех пор положение почти не изменилось. В литературе имеются некоторые данные о материальной культуре и др.

Изучение талышей тем более необходимо, что они уже давно очень сильно подверглись влиянию азербайджанцев, а в настоящее время процесс идет еще быстрее.

Л. 25. Было бы неправильным, однако, считать этот процесс односторонним. По-видимому, и талыши внесли не так мало в единую культуру Азербайджана, и это тоже подлежит изучению. В настоящее время талыши двуязычны – бытовым языком, особенно у женщин, часто остается талышский, но все знают азербайджанский и широко пользуются им. Обучение ведется на азербайджанском языке.

Многие талыши работают вне своего района. Мы встречались с ними и в Баку, и в Кельбаджаре.

Значительный % азербайджанцев живет в г. Ленкорани и других поселках городского типа. Наконец, третьей, довольно значительной по численности группой населения Ленкоранского района, являются русские, переселенные сюда в 1838–1867 годах и в основном в прошлом сектанты – молокане, старообрядцы, субботники и т.п.

Пожилая талышка. С. Мамуста, Ленкоранский район, Азербайджанская ССР, 1962. Фото Э.Г. Торчинской. Ф 405-29

Русское население за долгие годы жизни среди азербайджанцев, а в особенности за советский период, когда стали отмирать религиозные запреты, начало сближаться с азербайджанцами, работать вместе с ними в колхозах, особенно рыбацких, в промышленности. Местные русские, как правило, знают или хотя бы понимают азербайджанский язык и обычаи.

Все это делает Ленкоранский и примыкающие к нему Астаринский, Лерикский, Ярдымлинский и Массалинский районы очень интересными для изучения и дальнейших экспедиционных

Чистка риса при помощи водяной толчеи «су динг». Большое колесо с лопастью насажено на восьмиметровое бревно, в грани которого всажены колышки. Колесо, приводимое в движение ударами воды, вращается вместе с бревном и колышками, которые поочередно ударяют рукоять толчеи, опуская и поднимая ее. С. Мамуста, Ленкоранский район, Азербайджанская ССР, 1962. Фото Э.Г. Торчинской. Ф 405-36

поездок. Выезд 1962 года можно считать лишь самой первоначальной разведкой¹⁰.

Л. 26. Однако, даже самые беглые впечатления все же представляют, как нам кажется, некоторый интерес, и мы хотим ими поделиться. Нами собрана в Ленкоранском районе коллекция из 30 №№ и предметов¹¹. Эта работа, занявшая весьма значительное время, – приобретение вещей, их упаковка и отправка. До этого в музее имелась только одна коллекция по тальшам в составе 38 № и 43 предметов¹². Это тем более грустно, что при наличии во многих других местах Азербайджана местных музеев с интересными коллекциями, в Ленкорани музей только организуется, и во главе его стоит человек с очень маленькой подготовкой и недостаточным пони-

манием задач музея. Музей представляет собой 1 комнату, в которой хранятся археологические материалы из бывшего музея в Ханларе, не имеющие никакого отношения к Тальшу. Между тем ясно, что в Тальше можно собрать еще очень многое.

Ленкорань – очень зеленый нарядный городок у Каспийского моря, в котором преобладают пока 2-х и одноэтажные дома, но идет, как и везде, строительство. Улицы обсажены деревьями: пальмами, кипарисами и другими южными породами. В октябре, когда мы уезжали оттуда, было очень тепло, порою жарко, цвели различные цветы. Чайханы, т.е. чайные, помещавшиеся во всех садах, под навесами у базара, наполнены народом.

В отличие от чайных в русских селах, где можно найти все, что угодно, кроме чая, в Ленкоранских чайханах...

Л. 27. ...[чайханах] нет ничего, кроме артистически приготовленного крепкого и душистого чая, который пьют вприкуску, беря кусочки мелко нащипанного сахара, стоящего в блюдечках на каждом столе. Можно достать там еще местный хлеб и сыр, но здешние жители этим не пользуются. В чайхану приходят отдыхать, беседовать, пить чай. За мирной оживленной беседой за стаканом чая можно видеть мужчин всех возрастов, вплоть до больших компаний молодежи. Женщины в чайханы не ходят, но мы постоянно пили там чай в обстановке особого к нам уважения со стороны гостей и обслуживающего персонала. В ближайшей чайхане все дело находилось (как это обычно и бывает) в руках одной семьи. Отец стоял у самоваров и наливал чай, мать готовила сахар, мыла посуду, а сыновья – мальчики школьного возраста, посменно обслуживали посетителей.

Очень этнографичен и красочен Ленкоранский базар, находящийся около автобусной станции. Среди торгующих очень много женщин в живописных национальных нарядах. Базар представляет собой большую, замкнутую рядами лавок площадь, часть которой покрыта столами с навесами. Столы завалены овощами, фруктами, продаются молочные продукты, мясо, семена, орехи, зерновые продукты, хлеб и т.п. Все очень красиво выложено, чисто и аккуратно.

Так, например, разложенная на круглом блюде аккуратной горкой редиска с торчащими подрезанными зелеными...

Л. 28. ...[зелеными] стебельками выглядит как цветочная клумба. На столах или вразнос продают и местные лакомства – *помья*¹³ – жаренные в масле пышки в виде рифленых колбасок, подобие леденца с орехами – *дола*, петушков на палочке и т.п.

Продается свежая рыба – и целиком, и нарезанная кусками – и многое другое. На площади

На базаре г. Ленкорани, Азербайджанская ССР, 1962. Фото Э.Г. Торчинской. Ф 405-57

свободной от столов, в центре, стоят свернутые рулонами циновки¹⁴ из камыша или осоки, продаваемые обычно мастерицами-женщинами. Там же торгуют корзинами различного вида – *зембиль*¹⁵, а также плетеными из камыша чашками для весов – *терези*¹⁶.

Красочное пятно составляют развешанные на невысокой стенке ковры и паласы, обитые жестью и расписанные красками сундуки, довольно примитивные *бешики*¹⁷ – люльки, сложенные грудками пестрые ватные или набитые шерстью одеяла, тюфяки, подушки. На базаре выходят различные ремесленники или предводители колхозов со своим товаром: из Масалинского района привозят керамику – маслобойки, кувшины разных форм; медники выносят *казаны*-котлы, дуршлага, *кумганы* для умывания, ведерки. Кузнецы торгуют лопатами местной формы, вертелами, резаками, приспособленными для печения хлеба в *тондырах*¹⁸.

Деревообделочники выносят деревянные блюда, дощечки для мяса, топорщица, мочеточные трубки для люлек и др.¹⁹.

Изредка можно видеть вязаные шерстяные носки, кожаные или резиновые (из автомобильных шин) *чарухи* – постолы²⁰ и т.п.

Л. 29. Товары меняются по сезону, но оживление на базаре всегда. Большинство товаров привозится на автомашинах и в автобусах.

В начале дня вся дорога от автостанции до базара заполнена женщинами с товаром. Все товары носятся на голове. *Зембиль* – корзина с фруктами или зерном, медный эмалированный таз с редиской или даже яйцами, мешок с зерном, связка циновок – все это просто чудом держится на голове, не придерживается руками. Часто можно видеть женщину, у которой и в руках, и на голове – груз, а сзади в платке привязан ребенок. Иногда, при твердых грузах, на голову накладывают сложенный в несколько раз или свернутый жгутом в виде обруча платок.

Привычка носить все на голове, видимо, выработала очень плавную походку, с прямой спиной и гордой посадкой головы. Все это сохраняется и когда идут без груза.

Вы уже знаете, что из нашего научного отчета мы исключили материал, который собирался нами по современной одежде и жилищу, т.е. основной и наиболее обильный материал. Таким образом, нам поневоле приходится говорить на эти темы очень вскользь²¹.

Однако своеобразие и того, и другого в Ленкоранском районе сложилось не только за советский период, и поэтому мы считаем возможным отметить в нескольких словах это своеобразие.

Л. 30. Женская одежда тальшей, хотя имела и имеет большое сходство с азербайджанским

костюмом других районов, однако есть [Так в тексте. – Прим. сост.] и свои отличия. Старинный женский костюм состоял из рубахи²², носившейся навывпуск поверх юбки²³. Рубаха эта туникообразного покроя, без воротника, с разрезом на груди, застегнутым на одну пуговицу, в отличие от других мест Азербайджана, делалась очень длинной, так, что юбка-*туман* выступала из-под нее иной раз всего на 10–15 см. Боковые швы снизу оставались незашитыми на 50–60 см, и через них видна была юбка²⁴. В большинстве же других районов Азербайджана рубаха делалась очень короткой, вроде кофты. Это очень существенно меняло весь облик женщины. Обычно надевалось две рубахи. Юбка-*туман* тальшских женщин отличалась длиной и шириной. Собранная в мелкую сборку, она надевалась ниже талии; обычно тоже носили 2 юбки одновременно²⁵. По рассказам, эта юбка шилась из 10–25 метров материи. На ногах женщины носили шерстяные узорные носки и туфли без задника на косячке с острым загнутым носком²⁶. По данным литературы, при работе на рисовых полях женщины заправляли рубахи, которые до колен, в штаны и работали без юбки и босиком.

Рубашка и юбка составляли основу костюма. Для парадного выхода служила надеваемая сверху недлинная прямая до бедра *пагара*²⁷ – кофта без застежки с разрезами по бокам, обычно из темной и более дорогой ткани с широкими полосами позумента – *бафта* по низу, бортам, ...

Л. 31. ...разрезам на боках и по низу прямых длинных без разрезов рукавов. Покрой этой кофты, которую мы видели в двух случаях, отличается от женских кафтанчиков – *чавкен*, *чепкен*, *архалыг* – других районов, имевших широкий вырез на груди, стянутых в талии, с баской и расширяющимися книзу или разрезными рукавами²⁸.

На голову повязывали один или два платка. Часто, особенно в более холодное время, поясницу обвязывали куском ткани, сложенной углом, или большим платком²⁹. В прошлом азербайджанские и тальшские женщины, особенно горожанки, выходя из дома, надевали чадру, скрывавшую всю фигуру³⁰.

Чадра имела различную форму и цвет. На Апшероне и в Баку она представляла собой черное покрывало прямоугольной формы, сшитое из двух полотнищ. На голову его накладывали серединой одной из сторон прямоугольника, затем при помощи рук или специальных завязок чадру поддерживали у пояса и краем верхней части прикрывали лицо. В Тальше так же, как и в Нахичеванской АССР, чадра представляла собой полукруг или овал, накладыва-

Дом колхозника из камыша, обмазанного глиной, с камышовой крышей, одна сторона которой спускается к земле с подветренной стороны. Под ней пристроена кухня. Тальши. С. Мамуста, Ленкоранский район, Азербайджанская ССР, 1962. Фото Э.Г. Торчинской. Ф 408-22

Интерьер комнаты в доме тракториста колхоза им. Наримана Нариманова Гусейнова. По стене (обычно по трем) сделана полочка-выступ «рэф» с парадной посудой. Стены украшены вышивками, полотенцами, портретами хозяина и его семьи. Тальши. С. Мамуста, Ленкоранский район, Азербайджанская ССР, 1962. Фото Э.Г. Торчинской. Ф 405-41

лась на голову средней частью прямой линии полукруга и спадала вниз наподобие плаща, очень различными способами драпируясь. Эта чадра гораздо более живописна и к тому же делалась белой или светлых цветов.

Именно такого типа чадры носились в Тбилиси в XVIII–XIX вв. даже православными грузинками (но последние не закрывали ею лица), что являлось результатом персид[ского]...

Л. 32. ...[персид]ского влияния и длительного господства Ирана над Грузией. Не будучи специалистом по Азербайджану, не берусь судить, чем объясняются два столь различных типа чадры. Укажу только, что апшеронская черная чадра аналогична подобной же в Аджарии, где ислам был насажден Турцией.

Мужская одежда талышей была еще ближе к общеазербайджанской. Должна сказать, что когда нам понадобилось для карты, предполагавшейся в аванзале, объяснить художнику талышский костюм, мы оказались в очень трудном положении, т.к. в нашей богатой фототеке есть лишь одна и очень неважная фотография, а в литературе – ни одного описания.

Женский национальный костюм широко носится и в настоящее время, в особенности в селениях³¹. Шьется он из современных тканей – ситца, штапеля, вольты, шелка и т.п. и сочетается с современной обувью, *чевьяками*³² и галошами. В отличие от Кельбаджара здесь чаще носится не кофта, а *кеенек*³³ – рубашка навыпуск, юбки делаются более широкими и длинными. Цветовая гамма более светлая. На головах носят два платка, третьим обвязывают поясницу³⁴. Среди молодых женщин встречаются обычные юбки и кофточки, реже – цельные платья. Носят бусы – янтарные, позолоченные, иногда с подвеской, такие же серьги³⁵. Совсем не видно серебра. Даже зубы делают только золотые, и иногда не по необходимости, а как украшение.

Многие до сих пор носят чадру, но уже редко пользуются ею для закрывания лица.

Л. 33. Она используется как шаль, покрывало, плащ и очень красиво драпируется на художественных, очень стройных статных фигурах женщин с прямой посадкой головы и плавной походкой.

Уже выше отмечалось разнообразие жилищ в Азербайджане по материалу, форме и планировке, тесно связанное с природными условиями.

Жилища талышей, судя по очень бедной литературе, очень различны в зависимости от того, располагались ли селения в горах или на низменности, в лесной или безлесной местности. Мы видели жилища только в приморской лесистой зоне, причем преобладали современные постройки³⁶. В этой зоне в прошлом строились,

главным образом, камышовые жилища, реже – глинобитные дома. Камышовое жилище тоже с двух сторон обмазывалось глиной. Крыши покрывали тоже камышом или соломой и делали на два или 4 ската. Перед домом, благодаря выступавшим краям крыши, образовывался навес-*эйван*, где протекала вся жизнь семьи, а ночью часто здесь спали на специальном помосте. Но наиболее бросающейся в глаза особенностью Ленкоранских домов является то, что у всех домов старых и у большинства новых, из чего бы ни была сделана крыша, одна сторона ее свешивается почти до самой земли (на 1–1,5 м от земли). Пространство под этим навесом использовалось различно. В одних случаях там складывали корм для скота, в других – устраивали хлев или дополнительное помещение вроде кухни или кладовой.

Л. 34. При этом во всех домах селения эти свесы крыши делались с одной стороны, как выяснилось при расспросах с севера или северо-востока, откуда дули наиболее резкие ветры с дождями, разрушавшими глинобитные стены, если они не были защищены этим свесом. В прошлом в доме был открытый срединный очаг или пристенный камин³⁷, но мы такого уже не видели. В самых старых домах, в которые мы заходили, имелась железная печка или плита русского типа.

Видели мы в подобном доме, правда, русской постройки, даже обычную русскую печь. Русские, переселившиеся в Талыш в середине прошлого столетия, переняли местную строительную технику и материал, но внесли и свое влияние – устройство печей, окна и т.п.

В литературе упоминается *лем* – вышка на столбах, где спят в летние душные ночи³⁸. *Лем* обычно завешивался циновкой от солнца, ветра и посторонних глаз. Сейчас в современных домах циновками или мешковиной завешивается обычно одна из сторон открытой веранды-навеса.

Об убранстве жилища в прошлом можно сказать немного, так как оно очень изменилось. В камышовых домах, в отличие от каменных или саманных, нельзя было делать ниши для постелей и посуды, поэтому постель укладывалась у одной из стен на полу или на сундуках, посуда расставлялась на полках.

Пол помещения застилался сплошь циновками. Невысокие, узорного плетения циновки иногда ставились вертикально по низу стены.

Л. 35. Во дворе помещались отдельная кухня или *тондыр* для печения хлеба под навесом, помещение для скота, колодец, иногда толчея для риса³⁹. Дворы, заросшие деревьями, живописны.

Современные жилища строятся из самана, камыша, кирпича или камня, с крышами из камыша, черепицы или шифера. Но при всех случаях сохраняются защитный свес с крыши с северо-восточной стороны и широкая открытая галерея-*эйван*⁴⁰, завешенная циновками и холстиной. В некоторых домах имеются и застекленные веранды в углу дома. Это дома стандартного плана. В поселке Нариман-абад построены и строятся большие двухэтажные современные дома своеобразной архитектуры. Во внутреннем убранстве дома сохранилось много национальных элементов.

Наше кратковременное посещение Талыша имело целью также хотя бы беглое ознакомление с особенностями занятий местных жителей, связанных с местными природными условиями. Нами сделаны некоторые записи и наблюдения по рыболовству и чалтыководству (рисоводству)⁴¹.

Для первой цели мы выехали в Порт Ильич⁴² – рыбацкий поселок, носящий перспективное, но вполне заслуженное наименование Нариман-абад (абад – город). Размещается он на острове Сара⁴³. Островом он, впрочем, был в прошлом. Семь лет назад [его] соединили с материком дамбой, по которой идет автомобильная дорога, а по обе стороны – море большое, настоящее – и мелкий залив – «морцо».

Л. 36. Рыбацкий характер поселка чувствуется во всем. Не только потому, что вблизи расположены рыболовецкие бригады. Одну из них мы видели, когда ездили в сел. Гумбаши. На берегу – несколько лодок, маленькая постройка для хранения сетей, на сушилках висят сети для просушки. Интересно отметить, что наряду с пеньковыми сетями имеются и капроновые с поплавками, сделанными не из коры, а из пенопласта. Грузила – из кусочков кирпича.

Но и в самом Нариман-абаде, состоящем из новых современных по постройке каменных двухэтажных многоквартирных домов, в этом поселке, становящемся городом, тоже чувствуется специфика рыбацкой жизни. Старыми сетями огорожены от птиц огороды, цветники и т.п. Главную роль играет в поселке директор рыбного управления МАХМУДОВ [Так в тексте. – Прим. сост.]. Его власть простирается от сел. Гумбаши до самой Астары. В его ведении не только промыслы, но и консервные рыбные заводы. Поселок интернационален – здесь живут русские, азербайджанцы, талыши, армяне, грузины, евреи. Живут и работают дружно. Многие пережились. Старожилы острова – русские, остальные пришли позднее, главным образом, в советское время. Необходимо сказать о громадной роли русских в развитии рыболов-

ства на Каспии – не только в Азербайджане, но и в Персии, а также на озере Севан в Армении. И по рассказам нашего информатора, старого рыбака Асадова Асадбала Абас-кулы оглы, 70 лет, и по другим...

Л. 37. ...данным, азербайджанцы до советского периода не занимались или почти не занимались рыбной ловлей в море. В материалах обследования каспийского рыболовства в 50-х годах XIX века говорится: «Так как не покрытые чешуей (т.е. красная рыба) почитаются мусульманами нечистыми, и они не только не могут их есть, но и, строго говоря, даже не должны к ним прикасаться, то все это рыбное богатство оставалось долгое время нетронутым». Так, например, на одном из промыслов, расположенных в Персии, ловом занимались тогда 260 русских и только несколько туземцев. Азербайджанцы не занимались [Так в тексте. – Прим. сост.] ловом только в Куре, да в небольших «морцах» по берегу моря. Они образовывались из-за сильных ветров, навевавших дюну, которую не могут прорвать местные речки, вливающие, таким образом, в «морцо» свою воду. В «морце» жили в безопасности молодь и частичковая рыба – лещи, судаки и др., которых ловили накидной круглой сетью (малушкой).

Русские являются потомками крестьян, переселившихся из России в основном в 30–60-х годах прошлого столетия. Наш переводчик Владимир Петрович Дудин (60 лет) – потомственный житель Сары, а дед его был переселен из Саратова более 100 лет тому назад.

Дудин, как и другие местные русские, прекрасно знает не только азербайджанский язык, но и обычаи. Когда мы в сел. Гумбаши не отказались от предложенного нам у себя в доме стариком азербайджанцем арбуза, Дудин нам сказал: «Спасибо, что соблюдаете азербайджанский обычай».

Л. 38. Он много лет был в этом селении председателем рыбацкого колхоза, и его до сих пор встречают очень приветливо, называя дядя Володя, а жену – тетя Маруся.

Русское рыболовство на Каспийском море началось еще в XVIII в., а в начале XIX русские промышленники брали откупа на рыбий лов в Каспии у Ширванского и Талышского ханов, а позднее – у казны. Среди откупщиков встречались иногда и местные фамилии: Багиров (но он из Астрахани), Мирзоев, Аршакуни. Интересно, что в сел. Гумбаши до революции был филиал Новоафонского монастыря, что близ Сухуми. Монахи владели рыбными промыслами, ловили рыбу с помощью наемных людей. До сих пор сохранились остатки монастырских зданий и жив один бывший монах.

Роль русских в рыболовстве в Азербайджане ясна и по рыбацкой терминологии, в которой преобладают русские слова. Наш информатор Асадов родился в сел. Караманлы Сальянского района. Это один из тех районов, где особенно было развито рыболовство. Отец был рыбаком, но потом перешел на сельское хозяйство. Сам Асадов начал ловить с детства, помогая отцу, а с 1914 года ловил на Сальянском промысле («банка-промысел»). В 1938 году переехал на остров Сара, а в 1940 году – в поселок Нариман-абад, где сейчас живет в новой, по-современному обставленной квартире, на втором этаже каменного дома. Красивый, высокий, стройный старик, в каракулевой папахе, неплохо говорит и по-русски.

Л. 39. «У меня в 1914 году ничего своего не было – ни лодки, ни снастей, ходил по найму. Хозяин сам не работал, а только давал лодки – бударки (полукилевые). Бударки делали на месте или заказывали в Астрахани. Делали из ели или сосны, на два весла». В работе «Рыболовство на Каспийском море и его притоках»⁴⁴ дается следующее описание бударки: «Из всех судов для ловца самое необходимое бударка; ловец на ней перевозит снасти и вообще рыболовные снаряды, ездит на переборку, семейство его в ней ездит в город для продажи своих продуктов и покупок. Бударки устраивают разной величины и разного вида». Автор описывает бударки разных размеров с грузоподъемностью от 200 до 1000 пудов груза: «Бударки бывают часто трубчатые (т.е. в виде челнока. – Е.С.) и делаются из осины, липы и осокоря. Они употребляются нередко на мелких местах близ морского берега. Бударка управляется или рулем, или опорным веслом. Опорное весло состоит из длинного шеста с рукоятью. Кормчий, стоя на корме, часто действует этим веслом, чем дает направление лодки. Гребцов на ней бывает два и три; каждый гребет двумя веслами. На Куре употребляются долбленые челноки длиной 18 футов»⁴⁵, шириной в фут и глубиной в 10 1/2 дюймов. Они наз[ываются] кулазами»⁴⁶.

По рассказам Асадова, у хозяина было несколько рабочих, до 10–16 человек.

Л. 40. Половина улова шла хозяину. Старший ловец получал пай в улове, младший – деньги, или все деньгами, например мастеру-кормщику 13 руб., подручным-весельщикам по 7 руб. Снасть-самоловку давал хозяин. Ловили преимущественно красную рыбу, которая по-азербайджански называлась акбалык (т.е. белая рыба). Ловили на р. Куре. Самоловка по-азербайджански наз[ывается] гырмаг т.е. крючок. Устройство ее таково. На веревке-длиннике, имеющей в длину 12 м, на расстоянии охвата кулака

друг от друга (по азерб. *отаздырмах*) привешивались на поводках длиной в 2,5 м кулака / тутума / крючки. Два длинника составляют т.н. перетягу. Крючки были без наживки. Их просто точили и насаливали – салом с мазутом, чтобы не ржавели. Крючки были размером см 10. 1000 штук весили 35 фунтов.

Поплавки-балбер делались из сосновой коры и связывались пучками-шамат. На 12 м длинника полагается одно грузило-даш, сделанное из куска кирпича. Чтобы крючки не путались и удобнее было спускать снасть в воду, ее укладывали в лещетку – деревянную планку с разрезом (как вилки) и рукояткой (см. экспонат).

Ставили и выбирали снасть с лодки два человека. На лодку приходилось иной раз до 10 000 крючков. На Куре употребляли не более 10 перетяг. Самоловка употреблялась круглый год, и ставили при хорошем ходе рыбы по несколько раз в день.

Снасть устанавливали поперек реки и закрепляли на берегу при помощи кола – чипчик.

Л. 41. В дно тоже на определенном расстоянии вбивали чипчики, на которых и держалась вся снасть. Чипчик вбивали в дно при помощи набойника (длинного шеста с насаженной на конец железной трубой). Чипчик на веревке (стороже) вкладывали в трубку набойника и вбивали в дно. Перетяги имели на конце петлю, на другой перетяге – узел и они соединялись между собой на чипчике. Глубина постановки гырмаг, зависящая от соотношения поплавков и грузил, определялась временем года и видом рыбы.

В море употреблялась также на глубинную рыбу английская самоловка. У нее крючки с зубцом, и рыба с них дольше не срывалась. Пользовались ею в море и, главным образом, в январе, декабре, феврале, т.е. во время штормов. Ходили в море на парусных лодках по три человека. В настоящее время самоловки запрещены. Живодная снасть или наживная употреблялась на глубинах, и ловили ею только белугу. Она того же типа, что самоловка, но длиннее, крючки более толстые. Живодной она называлась, так как лов шел на живую наживку – бычка. Эту снасть привезли с собой астраханцы. Асадов рассказывал, что здесь вместо живой наживки позднее применяли полоску аптекарской клеенки: «Это был очень выгодный лов, и многие нажили капиталы».

При всех снастях такого типа рыбу снимают переборкой, т.е. лодка идет вдоль снасти, рыбак, перебирая крючки, снимает рыбу, глушит ее и кидает в лодку.

В упоминавшемся выше исследовании говорится: «...в магометанских же землях самое употребительное и, вероятно, ...

Л. 42. ...первоначальное орудие лова крупных рыб – багор. Он теперь еще употребляется не только в реках, но даже и в море, где без сомнения невод доставил бы гораздо обильнейший улов. Сами русские удивляются ловкости, с которой тухмены, татары и персиане употребляют багор»⁴⁷. Баграми били крупную рыбу в низовьях рек с лодок. Багор – железный крюк на шесте. Асадов же описывал острогу-сая в виде трехзубой вилки с зазубринками на остриях⁴⁸.

Для лова рыбы на Куре употребляется невид (невод). Длина его была 300 м, высота 7 1/2 м или выше в зависимости от глубины. Высота невода 7 1/2 м употреблялась при глубине дна 5 м. Невод состоял из мотни, где сеть была особенно прочной и мелкой, т.к. в мотне при ловле скопляется вся рыба, и двух крыльев – бежного и пятного. Крылья имеют более крупную ячею. На краю пятного крыла вертикально вделан кляч-кол, высотой в ширину невода, а к нему прикреплен веревка, при помощи которой невод привязывается к колу, вбитому в берег. По верхнему краю невода шли поплавки, по нижнему – грузила. Невод укладывался на специальную лодку – неводник: большая килевая лодка, длиной 10–14 метров. На неводе работало 12 человек: 2 оставались на берегу и держали береговой кляч, восемь весельщиков работало на лодке, а 2 человека бросали сеть. Невод вели сначала поперек реки, потом заворачивали вдоль второго берега, а затем подводили к первому берегу и начинали...

Л. 43. ...тянуть по 6 человек на каждом конце невода. На плечо надевали петлю – ворону и с ее помощью тянули невод. Лодка и невод принадлежали хозяину. На неводах много работало персов-амшара⁴⁹. Азербайджанцы работали старшими – тамада.

Употреблялась также плавная сеть – топ⁵⁰, состоящая из двух стенок с разными ячейми. Сеть размером 3 x 200 м. В одной стене ячей равна 140 мм, а в другой 44 мм. Сеть в слегка наклонном положении ведут по течению реки, в то время, когда рыба поднимается против течения. Первая стенка с крупной ячейей, вторая с мелкой. Один конец сети на лодке, другой поддерживается бум-чаллак из бочонка. Такой сетью ловились осетр, сип, кашам (жрех)⁵¹, белуга. Все эти сети употреблялись на Куре. Накидная сеть – молыш⁵², круглая, с веревкой в центре круга и свинцовыми грузилами по окружности (в старое время они нанизывались на шерстяную веревку), употреблялась талышами, которые ловили ею, судя по литературе,

еще 100 лет назад рыбу и в море, и в морце у Ленкорани. С накидной сетью мы встречались также и на озере Севан.

Сети плели рыбаки сами или покупали готовыми. Плели из пеньковой нити различной толщины. Обычно плели мужчины, женщины иногда помогали плести или делать прививку поводков с крючками на самоловку. Из рыболовных снарядов употреблялись и плетеные мережи – морды, которыми ловили миног – илянбалык⁵³.

Л. 44. Миног азербайджанцы не ели, но в далеком прошлом сушеных миног использовали в качестве свечей в бедных семьях.

В советский период появились на местных промыслах новые рыболовные снаряды – морской вентирь (1933 г.), аламан (1934 г.) и др.

Рассказывая о прошлом, рыбаки подчеркивали опасность выхода в море на парусных баркасах. В каждый шторм погибало 2–3 баркаса, а во время одного из штормов недосчитались сразу 95 баркасов. Перед выходом в море и перед закидыванием сети молились богу. У рыбаков существовали интересные названия основных ветров. Самым страшным считался норд-вест, называемый *тешта вар*, или *чире папах* – рваная шапка [Так в тексте. – Прим. сост.]⁵⁴. Он был опасен для лодок и отгонял рыбу дней на 10–15. Плохим считался и вест – *тагери* или *гярмич*. Восточный ветер – *кюн долмуш* (букв. – «родит солнце») – хороший, так как гонит рыбу к берегу, но самым хорошим считается *киля вар* – моряна, дующий с моря и подгоняющий рыбу к берегу⁵⁵.

В прошлом, одним из основных занятий жителей Талыша было рисоводство, или, как здесь говорят, чалтыководство. Местный климат и природные условия создавали возможности для разведения этой очень трудоемкой, но выгодной культуры.

Весь период своего созревания – 4,5 месяца – рис требует сплошного затопления полей, поэтому с ним неизменно связана проблема орошения.

Л. 45. Орошение шло путем использования воды рек, отводившейся в целую систему каналов, – *арх*, а также из искусственных водоемов *истиль* (или *сю амбары аз*)⁵⁶. Устраивая земляные валы вокруг, в этих *истильях* накапливали дождевую и снеговую воду, а иногда также воду небольших речек, и отсюда каналами отводили ее в нужное время на поля, располагавшиеся по склонам так, чтобы вода, поступив в верхнюю поперечную грядку, постепенно самотеком спускалась все ниже с одной грядки на другую.

Земли, годной под рис, а также и воды не хватало, ценилась она очень дорого. Земли

покупали, арендовали у беков или богатых крестьян и т.п.

Работы производились силами всей семьи, начиная со взрослых и кончая детьми. Очень много и в очень трудных условиях работали женщины. Мужчины занимались вспашкой земли; посадку, прополку, уборку делали женщины с помощью детей. С ноября по май месяц подготавливали землю. Рассаду выводили в питомнике-*тунжар*⁵⁷. Раньше был у каждого хозяина, теперь общий колхозный. Сеяли в 20-х числах марта. Через 30–40 дней рис вырастал до 10–15 см. В конце апреля или начале мая, при хорошей погоде, рассаду высаживали на плантацию-*биджар*⁵⁸. Сажали женщины руками, делая ямку пальцем на расстоянии 10–15 см, во влажный грунт. Воду, в зависимости от погоды, пускали на поля несколько раз, так, чтобы она стояла постоянно на 12–15 см. Сразу после посадки – дня три воду не пускали, ...

Л. 46. ...чтобы не размьть посева. Большой и трудной работой была прополка, производившаяся на поле залитом водой, несколько раз в течение лета. В питомнике рассаду поливали каждый день и ночь. Днем вода быстро высыхала. На га нужны 150–160 кг семян. Поспевал рис в августе, и его убирали серпами-*арак*⁵⁹. Работали и мужчины, и женщины, и дети. Потом свозили повозками в амбар, где он лежал 5–6 дней. Его здесь и молотили ногами скота или обычной молотильной доской-*вэл*⁶⁰.

Очистка риса производилась при помощи ручной или водяной толчеи-*динг*. Мы были в сел. Мамысты, где расположен колхоз им. Наримана Нариманова⁶¹. В этом колхозе 250 га посевов риса. Но кроме того колхоз занимается еще скотоводством, хлебопашеством, разведением чая, овощей и шелководством.

За последние 2–3 года в колхозе построено 150–160 домов: фундамент из камня, верх из соломы или кирпича, крыша из черепицы или шифера. Лес привозной – сосна или береза.

В колхозе 1150 шт. кр[упного] рог[атого] скота, 2050 овец, 581 баран. Овец пасут на летних пастбищах за 80 км. Доход колхоза в прошлом году (1961) – 300 000 рублей, в 1962 году ждали 450 000 рублей (без риса, от овощей, скота, чая и шелка). Рис дает 300–350 000 рублей (66 тонн в год), пшеница 40–50 000, кукурузу сеют только на корм скоту.

На трудодень⁶² выдавали в 1961 году 20 к[опеек] и 4 кг риса, пшеницы. В 1962 году – 70–80 к[опеек] и 5 кг зерна.

Рис сеют 4-х сортов – 1) чилиян, 2) амбарби, 3) озрос 637, 4) регани⁶³. Первые два дают с га 40–50 ц, остальные 60–70 ц. Для плова лучшим

считается *амбарби*. Обработка риса в колхозе по существу идет по-старому, вручную.

Л. 47. Механизирована только молотба. Молотят на току-*хырмане*⁶⁴ комбайнами СКЗ, СКУ. Но интересно, что комбайнами молотят только для сдачи государству, а на семена по старому – ногами скота.

Колхоз обеспечивает себя семенами сам. Мы были на току. Ток очень большой, окружен амбарами. На току скирды с рисом. Несколько комбайнов. Женщины занимались веянием риса вручную с помощью лопат, специальных деревянных лотков. Были мы также на колхозной толчее для очистки риса – *судинги* или *цвадинг* (талыш.)⁶⁵. Схема устройства ее такова. Деревянный вал, граненый, соединен с большим (4 м в диаметре) колесом с поперечными перегородками – лопастями по ободу. Вода подводится по желобу и, падая на лопасти колеса, вращает его. На гранях вала набиты в шахматном порядке плашки, которые при вращении вала ударяют каждая поочередно по заднему концу плахи, устроенной по принципу рычага. На конце этой плахи приделан пест, таким образом, один за другим песты поднимаются, опускаются и бьют по рису, насыпанному на цементный пол. Обслуживающие толчею все время подгребают рис скребком на длинной палке-*чапы аз* или метелкой-*тил*⁶⁶. Потом зерно провеивают вручную при помощи деревянного лотка, имеющего вид большого и широкого совка, и сыпают в мешки.

Л. 48. Мешки с рисом сложены здесь же. Вся эта «машина» установлена под навесом. В том же селении видели очистку риса в домашних условиях при помощи ножной толчеи-*аягыдинг*⁶⁷. Под навесом из камыша на четырех столбах, установленных в саду, стоит большая ступа. Между двумя задними столбами – две перекладки, на одной укреплен рычаг песта. На ней стоит человек, перебирая ногами: то становясь на заднюю часть рычага песта, то на перекладину. При этом он держится руками за вторую перекладину, вбитую выше между теми же столбами. Для полной очистки рис пропускают через *динг* три раза. Тут же под навесом женщина провеивала рис лотком.

Если раньше рисоводство было в этих районах важнейшей отраслью хозяйства, приобретшей к концу XIX века и товарное значение, то за последние годы площадь посевов риса была значительно сокращена. С 1949 по 1961 год она сократилась более чем в 3 раза. Это связано с вытеснением риса новыми субтропическими культурами – чаем, цитрусами, хурмой, а также пшеницей и овощами и т.п. Сокращение посе-

вов риса является и мерой борьбы с заболачиванием площади. В настоящее время, по данным, приведенным А.А. Измайловой⁶⁸, решено сохранить площадь риса без изменения. Вместе с тем ведется борьба за повышение его урожайности за счет применения удобрений, новой агротехники. Большую помощь колхозникам оказывают ученые Ленкоранской зональной опытной станции.

Л. 49. Внедрены новые более урожайные сорта, выведенные этой станцией.

Наше пребывание в Тальше продолжалось менее недели, но и этого достаточно для того, чтобы понять необходимость дальнейшей работы.

Вообще вся поездка вместе с 8-ю днями дороги продолжалась всего 40 дней, это необходимо учитывать и при подведении ее итогов.

На будущее время нужно добиться более длительных сроков работы в таких далеких и очень разнообразных по условиям жизни и этнографическим формам республиках.

Студенецкая

¹ [В настоящее время – Хазарский район города Баку].

² [Видимо, то же, что *юк*].

³ [Д. Сафарова – сотрудница отдела материальной культуры Института истории, этнографии, археологии и литературы Азербайджана в 1930–1950-х гг., занималась изучением этнографии населения Карабахско-Мильской степи, см.: СЭ. – № 4. – 1961. – С. 169].

⁴ [С.Д. Лисициан приводит термин «кубба», см.: Лисициан С.Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сборник. – 1955. – Т. 1. – С. 204].

⁵ [Аз. – *qovurğa*].

⁶ [Аз. – *köynək*].

⁷ [«В настоящее время в ряде районов (в т.ч. Кельбаджарском, Бардинском, а также Нахичеванской АССР) наблюдаются кофты, чаще не распашные, но встречаются и распашные с мелкими застроченными складками спереди. Воротник отложной, круглый или в виде мысиков. Рукава, как правило, вшивные, длинные, с узким манжетом на запястье. Таким образом, рубаха превратилась в кофту. Эта кофта сочетает в себе элементы покроя бывшей рубахи *койнек* и *кафтанчикат* (если учесть, что в некоторых районах шьют кофты распашные и приталенные). Складки на кофте, манжеты, воротник – это уже элементы городского покроя одежды, влияние которой и видоизменило бывшую рубаху – *койнек*. Характерна замена материала для украшения одежды. Галун – *борта* из золотых нитей и *занджире* – узорноплетеная тесьма из золотых и цветных шелковых нитей заменяются атласной ленточкой или вязаными из бумажной нити, часто фабричными, кружевами. Коллекции Государственного музея этнографии подтверждают наличие указанной кофты-рубахи и украшений еще в 1920–1930-х гг., причем в районах, где интенсивно шло общение с городом» (Торчинская Э.Г. Новые элементы в одежде азербайджанцев / Доклад, сделанный на научной сессии в Баку в 1965 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 341. Л. 10, 11)].

⁸ [Студенецкая Е.Н., по всей вероятности, имеет в виду селение Мамуста (офиц. Мамустā)].

⁹ [Е.Н. Студенецкая пишет название поселка через дефис, в то время как Э.Г. Торчинская в своем отчете и статье – слитно].

¹⁰ [Впоследствии состоялись лишь экспедиционный выезд Э.Г. Торчинской в 1965 г. и всего трехдневное посещение Астары и Ленкорани И.С. Карпушиной

и Е.Ю.Гуляевой уже в 2010 г. в рамках двухнедельной командировки по разным районам Азербайджана].

¹¹ [Имеется в виду коллекция РЭМ № 7457, состоящая из 31 номера].

¹² [Е.Н. Студенецкая имеет в виду коллекцию РЭМ № 1354 из 36 номеров, приобретенную А.К. Иностранцевым в 1907 г., два номера (кальяны) были позднее исключены].

¹³ [Тал. – *бāмийа*].

¹⁴ [Тал. – *тымон*].

¹⁵ [Тал. – *зāмбуль*].

¹⁶ [Тал. – *тāвзы*].

¹⁷ [Колыбель: аз. – *beşik*, тал. – *гофе*; весь колыбельный комплект: тал. – *гофегуша*. Плетеная из рогаза люлька, подвешиваемая к потолку: тал. – *шыта локна* или *локна*. Люльки также делают из металла и дерева].

¹⁸ [Маслобойка: тал. – *нийа*; кувшин: тал. – *мāвла*; казан: тал. – *гhазан*; дуршлаг: тал. – *пāрзын* (есть еще: тал. – *пылопāрзын*, т.е. дуршлаг для плова; тал. – *āнгивинапāрзын*, т.е. дуршлаг для меда, и др.); кумган – *овтова*; ведро – *ведра*; лопата – *лопāтка* (подвиды: *бор*, *пал*, *палча*); вертел – *быск*; резак – *быскакеча*; тондыр – *тану*].

¹⁹ [Деревянные блюда: тал. – *лока*; топорище: тал. – *тава*; мочеточные трубочки для люлек: тал. – *лула* (для мальчиков: тал. – *зоалула*, для девочек: тал. – *киналула*)].

²⁰ [Под постолом обычно понимают обувь, изготовленную из целого куска кожи, стянутого сверху ремешками, тал. – *шым*].

²¹ [Собранный материал лег в основу упоминавшейся неопубликованной работы Э.Г. Торчинской «Новые элементы в жилище и одежде азербайджанцев», см.: Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 310. Л. 1–52].

²² [Тал. – *шай*].

²³ [Тал. – *шāвл*].

²⁴ [«Рубаха здесь длинная, иногда доходит до щиколотки, с разрезами на боках», см.: Торчинская Э.Г. Новые... Указ. соч. Л. 41].

²⁵ [«В ленкоранском костюме нижняя юбка часто виднеется из-под верхней», см.: Там же].

²⁶ [Носки: тал. – *гуйаве*; туфли без задника: тал. – *машо*].

²⁷ [Тал. – *нимтāна*].

²⁸ [«В Ленкоранском районе, правда, в незначительной степени сохраняется кафтанчик, мало чем отличающийся

по покрою от *архалыга*, носящий название *пагара*. Бархатный *пагара*, украшенный золотым галуном *бафта*, был надет на женщине средних лет – председателе колхоза, которая приехала из селения по делам колхоза в Ленкорань, в райисполком. По всей видимости, этот выезд был для нее торжественным событием, в честь которого она и надела *пагара*», см.: Торчинская Э.Г. Новые... Указ. соч. Л. 42].

²⁹ [«На талии также носят до сих пор широкие шерстяные, чаще всего красные пояса, обворачиваясь ими несколько раз» (см.: Торчинская Э.Г. Новые... Указ. соч. Л. 41). «Этими поясами привязывают к себе (на талии) ребенка. В других районах при таком же способе ношения, т.е. за спиной, ребенка привязывают платком, пропуская концы платка через плечи и под руками, т.к. в данном варианте ребенок расположен выше», см.: Торчинская Э.Г. Новые... Там же].

³⁰ [«Чадр и сейчас можно встретить в городах – Нухе (на женщинах пожилого возраста), Нахичевани, Ордубаде, Ленкорани, в поселках Апшерона – Мардакьянах, редко в Баку», см.: Там же. Л. 38].

³¹ [«Длинные кофты-рубahi поверх широкой юбки с двумя разрезами по бокам шьются, как уже упоминалось, до сих пор в Ленкоранском, Лерикском и Астрахан-Базарском [современный Джалилабадский] районах. Их носят тальши и азербайджанцы. Тальши, переехавшие в 1930-х гг. на Апшерон и живущие там сейчас в некоторых поселках, в т.ч. в поселке Бина продолжают носить такой костюм и сейчас», см.: Там же. Л. 42. «В поселке Бина в настоящее время живет большое количество тальшшей, переселившихся сюда из Ленкоранского и Лерикского районов. Женщины тальшшки выделяются своим своеобразным ярким костюмом, который они сохранили, несмотря на то, что живут здесь с 1930–1940-х гг. Их костюм состоит из очень широкой длинной юбки яркой расцветки и длинной цветной рубahi (длиной примерно до колен) с разрезами на боках. Головной убор состоит из нескольких платков, закрученных в виде чалмы» (Торчинская Э.Г. Отчет... Ф. 2. Оп. 1. Д. 1441. Л. 29, 30].

³² [Правильно – *чувяки*, кожаная обувь с мягкой подошвой или мягкие открытые кожаные туфли без каблучков].

³³ [Видимо, имеется в виду рубашка: аз. – *köynək*; тал. – *шай*].

³⁴ [Платок, который повязывают на поясницу: тал. – *кышити*].

³⁵ [Бусы: тал. – *моа*; серьги: тал. – *гушова*].

³⁶ [«В Ленкоранском районе в городе и в селениях на стенах домов, поверх глиняной обмазки, выкрашенной в синий или темно-красный цвет, как правило, прорисованы контуры кирпича», см.: Торчинская Э.Г. Новые... Указ. соч. Л. 27). «В селе Мамусты Ленкоранского района в доме, построенном в 1957 г., тракториста Усейнова, комнаты расположены по одной линии, и каждая имеет выход на *эйван*» (Там же. – Л. 26)].

³⁷ [Пристенный камин: тал. – *быхи*].

³⁸ [Тал. – *лам*].

³⁹ [Отдельная кухня: тал. *кыйаса*; аз. – *təndir*, тал. – *тану*; навес над *тану*: тал. – *тануяса*; помещение для скота: тал. – *тавила*; колодец: тал. – *чол*; толчея для риса (описывается ниже): тал. – *динг*].

⁴⁰ [Аз. – *еван*; тал. – *айвон*].

⁴¹ [Аз. – *çəltik*; тал. – *шартук*].

⁴² [Порт Ильич – современный город Лиман, расположенный на берегу залива Кызыл-Агач в 12 км к северу от г. Ленкорани].

⁴³ [Тал. – *сару*].

⁴⁴ Рыболовство на Каспийском море и его притоках // Исследование о состоянии рыболовства в России. – Т. IV. – СПб., 1860.

⁴⁵ Там же. – С. 76 [70], табл. D. I. 6.

⁴⁶ [Тал. – *кулос*].

⁴⁷ Рыболовство на Каспийском море. Указ. соч. – [Т. II]. – С. 130.

⁴⁸ [Тал. – *бул*].

⁴⁹ [«Сами себя отходники из иранского Азербайджана называли *хам шахран* (земляки). Это слово, в искаженной форме *амишара*, стало нарицательным для всех иранских отходников в Россию. *Амишара* в то время звучало как “голытьба”, “быдло”, “не человек”, см.: Белова Н.К. Об отходничестве из Северо-Западного Ирана в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. – 1956. – № 10. – С. 114].

⁵⁰ [Тал. – *сал*].

⁵¹ [Вместо *кашам* (жрех) должно быть *хашам* (жержех)].

⁵² [Тал. – *молышк*].

⁵³ [Аз. – *ilanbalığ*; тал. – *мормой*].

⁵⁴ [‘Рваная папахa’: аз. – *сiriğ paraq*].

⁵⁵ [Тал. – *гемьж*; тал. – *гилаво*; аз. – *gün doğtuş* (не “родит солнце”, а “родивший солнце”); возможно, под *тагери* имеется в виду тал. – *хазри*].

⁵⁶ [Кроме *истиль* в тальшском языке еще используется *се*].

⁵⁷ [Тал. – *тунджор*].

⁵⁸ [Тал. – *биджор*].

⁵⁹ [Тал. – *чин*].

⁶⁰ [Тал. – *вал*].

⁶¹ [Нариман Кербалаи Наджаф оглы Нариманов (1870–1925) – азербайджанский писатель, общественный и политический деятель, в 1920–1921 гг. был наркомом иностранных дел Азербайджанской ССР, в 1920–1922 – председателем СНК Азербайджанской ССР].

⁶² [В колхозах в 1930–1966 гг. работникам не начислялась заработная плата. Каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудодням – мере оценки и форме учета количества и качества труда].

⁶³ [Тал. – *анбарбу*. Тальшский исследователь Рза Мусаев приводит следующие три основных сорта риса, использовавшихся в XX в. в Тальше: *садри*, *анбарбу*, *йкула*, см.: Мусайев Р. *Шāгласе: этнографика етйудон // Шавнышит. – № 3 (10). – Декāбр 2006. – на С. 5*].

⁶⁴ [Тал. – *хамане*].

⁶⁵ [Тал. – *овадинг*. *Судинги* – калькированный перевод тальшского термина на азербайджанский язык (вода: тал. – *ов*; аз. – *су*)].

⁶⁶ [Тал. – *гезы*].

⁶⁷ [Тал. – *лынгадинг* (в противоположность ему ручной *динг*: тал. – *дāстадинг*). *Аягыдинг* (более правильной была бы запись «аягдинги») – калькированный перевод тальшского термина на азербайджанский язык (нога: тал. – *лын*; аз. – *ауаг*)].

⁶⁸ Атига Али-Аббас кызы Измайлова (1932–2006) – известный азербайджанский этнограф, долгое время изучавшая быт и культуру тальшшей.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 391.069.5(411.16)

Рецензия на книгу: Владимир Санги. Эпос сахалинских нивхов: Поселение бухты Черной земли.

М., 2013. – 431 с.

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ ОСТРОВСКИЙ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, научный сотрудник музея главной категории

e-mail: ost-alex@yandex.ru

В рецензии охарактеризованы все компоненты издания: текст эпического произведения (его содержание, своеобразие структуры и образного строя), записанный на нивхском и переведенный с помощью сказительницы писателем В.М. Санги; литературный перевод и вступительная статья. Основное внимание уделено характеристике самого произведения, его специфике в соотношении с подобными текстами, записанными ранее Л.Я. Штернбергом. Делается вывод об издании как весьма ценном источнике для изучения языка и поэтики нивхского эпоса.

Ключевые слова: нивхский язык, культурное наследие, архаический эпос, мифопоэтическая традиция, космологический код, числовой код.

UDC 391.069.5(411.16)

Book Review: Vladimir Sangi. The Epic of the Sakhalin Nivkh People: Settlement Bay of the Black Earth

MOSCOW, 2013. – 431 pp.

ALEKSANDR B. OSTROVSKII, D.Sc. (Ethnology)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Leading Researcher

e-mail: ost-alex@yandex.ru

The review gives an overview of all the edition components: the text of the epic work (its contents and originality of the structure and imagery) recorded in Nivkh and translated by a narrator writer V.M. Sangi; the literary translation and the introductory article. Particular attention is paid to the characteristics of the work itself, its specific features in comparison with the similar texts written previously by L.Y. Sternberg. A conclusion is made of the publication as an extremely valuable source for studying the language and poetics of the Nivkh epic.

Key words: the Nivkh language, cultural heritage, archaic epic, mythic-epic tradition, a cosmological code, a numeric code.